

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)
Я47

Яковлева, Юлия.

Я47 Волчье небо: 1944 год. Ленинградские сказки: Книга четвертая [для среднего и старшего школьного возраста] / Юлия Яковлева. — Москва : Самокат, 2020. — 304 с. — ISBN 978-5-91759-931-1.

Ленинград освобожден, Шурка и Бобка вернулись из эвакуации, дядя Яша с немой девочкой Сарой — с фронта. И вроде бы можно снова жить: ходить в школу, работать, восстанавливать семью и город, — но не получается. Будто что-то важное сломалось — и в городе, и в людях: дядя Яша вдруг стал как другие взрослые, Сара накрепко закрылась в своей немоте, а бедному Бобке все время смешно — по поводу и без... Шурка понимает, что нужно во что бы то ни стало вернуть Таню, пусть даже с помощью Короля игрушек, — но какую цену он готов за это заплатить?

«Волчье небо» — четвертая из пяти книг цикла «Ленинградские сказки». Первая, «Дети ворона», была названа главным событием 2016 года в подростковой литературе, вошла в шорт-лист литературной премии «Ясная Поляна», попала в международный список «Белые вороны» среди лучших 200 книг из 60 стран, а также выиграла IN OTHER WORDS крупнейшего британского фонда поддержки детской литературы BOOK TRUST. Вторая книга цикла — «Краденый город» — попала в лонг-лист премии им. В. Крапивина в 2017 году. А третья книга — «Жуки не плачут» — попала в лонг-лист премии «НОС».

© Ю. Яковлева, 2019

© ООО «Издательский дом «Самокат», 2020

ISBN 978-5-91759-661-7 (Ленинградские сказки)

ISBN 978-5-91759-931-1 (Книга четвертая)

Но Самсон сказал им:
теперь я буду прав
пред Филистимлянами,
если сделаю им зло.

Суд. 15:3

Итак, она звалась Татьяной.
А. Пушкин. Евгений Онегин

ГЛАВА 1

— Ты осознал? — блеснула очками директор школы.

— Скажи, осознал? — повторила завуч, но более настырно.

На столе лежали папки — личные дела учеников. Завуч была молодой, коротко остриженные волосы торчали углами у щек. Волосы директрисы напоминали цветом смесь перца и соли. Два портрета взирали со стены: справа — портрет Сталина, слева — портрет Ленина. Все четверо смотрели на Шурку. Вожди сверху — дóбро, особенно Ленин. Женщины — строго. Шурка стал глядеть на свои ботинки, чтобы не сказать лишнего.

— Значит, осознал, — сказала за него директриса. Завуч раскрыла рот, чтобы возразить. Но директриса ее опередила. — Дадим тебе испытательный срок. Не подведешь?

Он пожал плечами. Брови завуча сложились в ехидную галочку, а рот директрисы превратился в букву «О».

— Он же тупой! — в голосе завуча зазвенело ликующее «Что я говорила!». Директриса положила свою руку на ее: мол, погоди.

Шурка равнодушно, но громко объявил:

— Я осознал.

— Хорошо, — вздохнула директриса. — Иди. Что у вас сейчас?

— История.

— И больше никаких прогулов! — крикнула вслед. Шурка пробормотал: «я осознал». А когда дверь за ним закрылась, завуч хлопнула обеими ладонями по столу:

— Ведь врет же!

Но директриса закрыла папку:

— Наша задача... Как советских педагогов, — прихлопнула возражения она. — ...Наша задача — подтягивать таких вот шурок. А не давать им скатиться еще ниже.

— Но... — запнулась завуч. А потом голос ее гулко завибрировал — как будто кто-то лил струю в пустое цинковое ведро. — Как советский педагог! Я возмущена... Что с ними всеми такое? В наши дни такого не было. Я считаю! Где не помогает семья, там должна вмешаться школа. Органы! Наказать! Принять меры! Проявить принципиальность! Я считаю! Взять, наконец, в железные рукавицы.

— Елена Петровна, — устало перебила директриса.

Она хотела добавить: «дефективный класс давно переполнен». Она хотела добавить: «война с ними всеми, вот что такое». Она хотела добавить: «полшколы таких шуток». И еще: «тут бы впору не три обычных класса и один дефективный, а три дефективных — и один обычный». Но посмотрела на портреты.

Выполненные без таланта и размноженные типографией, они обладали таинственной особенностью портретов из Эрмитажа: всегда глядеть посетителю в глаза, как бы тот ни ходил вокруг картины. «Может, поэтому в них было что-то жутковатое?» — подумала директриса. Оба, и лысый, и усатый, глядели так, что было ясно: их добренький прищур мог в один миг стать безжалостным.

— Правильно говорить «в ежовые», — поправила она.

Завуч обиженно захлопнула рот. Директриса с трудом отцепила свой взгляд от портретов, посмотрела завучу в глаза:

— В наши дни такого ни с кем не было.

— Это же волчата, — растерялась завуч. Голос ее уже не был цинковым, он дрожал. Директриса выронила папку. Завуч ее опередила: торопливо и гибко наклонилась, подняла. Вернула на стол. Опять заговорила:

— Я в класс вхожу и не знаю — может, меня сегодня ножиком пырнут. Мальчишки эти. Я спиной к ним поворачиваться боюсь.

Глаза ее глядели наивно и кругло. «Девочка — подумала вдруг директриса, — горластая, наивная. Сразу после института — и вот: сразу завуч в мужской школе. А что делать? Людей сейчас везде не хватает».

Похлопала ее по руке:

— А вот бояться не надо. Дети есть дети. Прежде всего, они дети. А не волчата. Им нужны ласка, доброта, внимание.

— Ему? Этому!?

Слово «ласка» ее потрясло:

— Ласка? Да это же...

Она хотела повторить «волчонок», но опять вспомнила гадкое, бесхребетное и близорукое слово «ласка», скривилась. Уверенно закончила:

— Будущий бандит! Сегодня — прогулы. Завтра — кража. Послезавтра — тюрьма.

— А это! — подняла палец директриса. — Уже зависит от нас с вами и коллектива. Кем эти мальчишки станут в будущем.

— Да, но... Как выковать из них советских детей? Как привить им знания и воспитание? Как выполнить задачу, которую возложила на нас партия? Может, их поздно воспитывать? Их изолировать надо! Может, пора подать со-

ответствующий тревожный сигнал... — завуч воздела глаза. Столкнулась с колючими прищуренными глазками, нанесенными типографской краской. Испугалась собственной дерзости. Перевела взгляд ниже — в воображаемые области городских и районных отделов народного образования, и только тогда вымолвила:

— ...наверх?

«Горластая, наивная, опасная», — подумала директриса.

Улыбнулась. Опять похлопала ее по руке: — Еленочка Петровна. Справимся.

Она покосилась на портреты, как будто те могли ее видеть и слышать, и громко добавила:

— Мы же советские люди. Партия и страна поставили перед нами задачу.

Она была старше, она была опытным педагогом, то есть давно знала, как легко обмануть молодых. Строго сказала:

— Если чувствуете, что не справляетесь, переводитесь в женскую школу. Никто вас за это не осудит.

И с удовольствием убедилась: ровно на такой результат она и рассчитывала. Рот завуча захлопнулся. На щеках расцвели два розовых пятна. Та замотала головой, смутилась, встала:

— Партия поставила задачу, я справлюсь!

— Уверены?

— Я справлюсь!

Директриса внутренне усмехнулась. «Просто горластая наивная девочка. Ничего в молодости хорошего, кроме здоровых суставов», — подумала она. Победно стукнула о стол папки с личными делами «дефективных», выравнивая корешки. Отложила. Подвинула к себе стопку тетрадей. Она рада была, что ее собственная молодость прошла навсегда:

— Вот и славно!

К двери завуч Елена Петровна пошла на цыпочках. Недоумевающий взгляд директрисы проследовал за ней. А потом снова окунулся в тетради.

Директриса повидала много детей, разбиралась в людях. Не ошиблась и на сей раз. Елена Петровна была и горластой, и наивной. Ошиблась директриса лишь в порядке слов. Елена Петровна была прежде всего опасной. Потому что никогда не сомневалась в своей правоте.

Она не собиралась сдаваться.

Затаила дыхание у самой двери. Быстро распахнула. Не поверила. Выглянула в коридор. Покрутила головой туда, сюда. Пусто. Шурка под дверью не подслушивал.

«Значит, затеял что похуже». Тихой охотничьей походкой индейца племени сиу Елена Петровна направилась к туалетам, издали втя-

гивая носом воздух. Готовая пуститься вскачь, как только почует первые молекулы папиросного дымка.

У двери класса Шурка замер. Тишина была такая необычная, что поднялись дыбом волоски на руках. «Драпануть?» — промелькнуло.

Он поднял взгляд. Убедился. Нет, дверь правильная.

Тишина — неправильная.

Обычно в классе хлопали партами, грохали стульями. Гоготали. Шептались. Шуршали. Завывали. Вскрикивали. Постукивали. Скрипели. Когда этот разнообразный шум умолкал... А умолкал он обычно после того, как в дверь просовывалась все еще бритая на военный лад голова физрука Окунева или военрука Дыбина. Окунев (или Дыбин) гаркал: «Ма-а-ал! — чать!» И: «Сми-и-ир! — на!»

И шел в следующий класс. Усмирять следующую бурю.

Иногда, правда, шум умолкал вдруг, сам по себе. Такое тоже бывало.

В эти внезапные мгновения абсолютной тишины доносился голос учителя истории Матвея Ивановича:

— ...тогда сказал Александр Невский...

Но прореха тут же смыкалась. Грюк, стук, грохот, вскрики навеки покрывали тайной, что же сказал Александр Невский.

Вот что было правильно.

Шурка осторожно подошел к двери. Осторожно опустил вниз ручку. Осторожно толкнул. И удивился.

Все остальное было как обычно.

Матвей Иванович, тоненький и сухой, как будто составленный из щепок и лучин, расхаживал перед доской. В руке его была указка. На доске висела карта. Лица были обращены на нее. Матвей Иванович заметил Шурку, махнул нетерпеливо: входи же. Тем же нетерпением дохнуло от класса: от всех этих бритых голов, от всех этих вытянувшихся спин, от всех этих распахнутых ушей.

Шурка проскользнул. Тихо сел. Стул скрипнул. Но никто даже не скосил глаза.

— Дыбин пролетел? — прошептал Шурка.

В ответ никто даже не моргнул. Взгляды порхали за указкой. Матвей Иванович разругался от собственного рассказа:

— И вот здесь немцам пришлось закрывать брешь. Они подтягивают двенадцать... Двенадцать! — с каким-то восторгом повторил Матвей Иванович, — ...дивизий с других участков советско-германского фронта. Девять пехотных

дивизий! Одну танковую дивизию! Одну моторизованную бригаду из первой танковой и одну из восьмой армии под командованием генерал-фельдмаршала Манштейна. Немцы пытаются закрыть брешь. Понимаете, ребята?

Класс ответил напряженным молчанием болельщиков, замерших на стадионе перед решающим голом. Матвей Иванович, сухой и маленький, как старый воробей, прыгал и порхал у карты.

Только сейчас Шурка заметил, что на ней были не Римская империя, не русские княжества, не какое-нибудь татаро-монгольское иго под пятой Наполеона. На ней было большое розовое пятно, похожее на растянутую шкуру неизвестного зверя. Современное, родное, с надписью «СССР».

Только сейчас Шурка понял, в чем дело и почему тихо: урок истории шел без глаголов в прошедшем времени.

— Вот здесь выдвинулась армия генерала Ватутина. А вот отсюда — армия генерала Колева.

Указка замерла. Шурка, все они — увидели, что советская граница совсем рядом с ней: край большого темно-розового пятна, за которым пестрели все остальные, маленькие, иностранные.

— Вот здесь.

Матвей Иванович зажал указку под мышкой. Зажал локтем тяжело бухающий от волнения левый бок. Ткнул в карту пальцем:

— Вот здесь, — ткнул еще раз Матвей Иванович. — Помните, ребята, мы с вами проходили битву князя Владимира при Корсуни?

Никто не помнил. Но все кивнули вразнойой.

— Ватутин и Конев идут навстречу друг другу...

Шурке представилось: снег, генерал Ватутин, у него на каждой ноге обут — танк. Он не идет. Он — наступает. Блям! Блям! И генерал Конев тоже — навстречу. Своими танками. Блям! Блям!

— ...сюда! — торжественно выговорил учитель истории. Взгляды устремились туда, где стоял палец. — К Корсуни.

Матвей Иванович умолк. Почувствовал, как тяжело бухало сердце, но ему было скорее приятно, хорошо — казалось, сейчас все удары всех сердец в этой комнате слились в одно общее, радостно-тревожное: бум, бум, бум. Даже немного потемнело в глазах. На какие-то полсекунды. Потемнело и прояснилось. Он обвел глазами класс, снова обернулся к карте:

— Вот здесь армии генерала Ватутина и генерала Конева охватывают гитлеровцев в ко-

тел. Понимаете, ребята? По значению своему для исхода войны, для нашей победы. Для конца войны. Битва при Корсунь, ребята... почти как... — с трепетом выговорил, — ...как Сталинград. Корсунь, ребята... Корсунь...

Взгляд его засасывала черная точка, обозначающая на карте город:

— ...Корсунь...

Взгляд пролетел сквозь нее, как сквозь игольное ушко. Помчался дальше, приближаясь с чудовищной высоты. Вот уже видны были на белом снегу темные жучки танков. Вот уже темная масса, покрывающая землю, стала распадаться на зернышки — фигурки людей. Вот уже можно было различить лицо генерала в машине. Оставалось сделать только последнее усилие, чтобы разглядеть, Конев это или Ватутин.

Матвей Иванович, охваченный любопытством, сделал последнее усилие.

Звякнула указка. Он мягко повалился на пол.

Сначала все оцепенели. Тишина в классе стояла по-прежнему, но из внимательной она стала ватной. А потом раскололась и обрушилась, как лед сквозь водосточную трубу. Все заорали. Захлопали парты. Застучали стулья. Шурка поднялся.

Не вскочил только Матвей Иванович.

Толкаясь, пихаясь, шепчась, его обступили. Глядели на его раскинутые врозь ноги. На задравшийся пиджак. На неловко повернутую голову, щекой на нечистом полу. Тишина стала звенящей. Глаза — круглыми, отчего бритые головы мальчишек стали похожими друг на друга, как каштаны, которые трешь об асфальт, пока не сточишь все колючки, зеленую кожуцу, до твердого замшевого мячика.

— Может, медсестру позвать? — пробормотал кто-то.

Шурка подошел к Матвею Ивановичу. Сел на корточки.

— Ты чего? — завопил кто-то. — Не трогай его!

Шурка поднес ладонь к носу Матвея Ивановича. Не ощутил теплого воздуха. Вообще никакого движения. Матвей Иванович только что был здесь. И вот уже между ним и живыми — звездная дыра «навсегда».

«Неужели и Таня — так?», — думал он.

— Он чё там? Он чё там? — подскакивал кто-то на задах. — Ничё ж не видно!

Шурка оправил учителю завернувшуюся голову. Просунул руку под его щеку, все еще мягкую, все еще теплую, но уже совсем, совсем не... «Неужели и Таня?..» Приподнял голову

с грязного пола, вглядываясь в остановившиеся черты.

Кто-то скривился от ужаса и отвращения.

Шурка бережно положил под щеку учителя портфель.

— Ы-ых, — прынули, попятились первые ряды. Шурка обернулся — и сказал то, что все боялись понять:

— Он же просто мертвый. Чего его бояться?

Все заверещали, стали пихаться к двери, колотить. Не сразу сообразили, что ее надо открыть. Она вдруг распахнулась сама. Топочущая человеческая каша чуть не смела военрука Дыбина. Это он открыл дверь. Едва успел отскочить.

Потом прибежала медсестра. Потом завуч. Потом директор. Потом прошли с брезентовыми носилками две женщины, обе в ватных куртках и теплых шапках. За пояс были заткнуты рукавицы. У одной в руках докторский саквояж.

Но он не понадобился.

Она присела, ощупала Матвею Ивановичу шею. Подняла веко — Шурка успел заметить белую лунку, похожую на вареное яйцо больше, чем на глаз.

Врач посмотрела на свое запястье, потом приложила к колену бумажку, облизнула химический карандаш, записала что-то.

— Понесли, — сказала она.

Завуч всхлипнула:

— А такой бодрый был.

— Не может быть, — засуетилась, возразила не понятно кому директриса. — Он же всю блокаду здесь продержался.

Врач покачала головой:

— Вот-вот: блокада... Истощение организма.

— Но он же выжил, — настаивала директриса, как будто все еще можно было обернуть вспять, оживить Матвея Ивановича — главное, спорить с врачом твердо: — Выжил. Сколько всего перенес. Выжил.

Но та была неумолима:

— Выжить-то выжил. А сердце истощено.

Заметила в углу класса Шурку. Нахмурилась:

— Посторонним не место.

Все обернулись на него. Дыбин выкатил глаза, гаркнул, так что жилы на шее вздулись:

— Отсюда — МАРШ!

Шурка выскочил в дверь. Отпрянул к стене, снова заглянул в класс. Дыбин и женщины принялись, мешая друг другу, укладывать, накрывать, поднимать. Шурка отбежал за угол. Увидел, как понесли вниз, по лестнице, через вестибюль, на крыльцо, с крыльца. У окон

уже висели гроздья. Шурка глядел поверх голов. Движение вниз на крыльце. «Гляди, гляди», — заверещали мелкие.

Под грубым покрывалом угадывались торчащие вверх ступни. «Таня, а ты — неужели, ты тоже так сделала?» — думал Шурка. Мальчишка перед ним передернул тощими лопатками.

Носилки вплыли в заднюю дверь машины с красными крестами. Директриса и завуч вернулись в школу. Сверху Шурка видел лысину Дыбина. Уши и нос у того стали красными от морозца. Дыбин — из деликатности перед мертвым в его пиджачке — не стал надевать шинель. Из рта его вырывался парок.

Школа глядела на них всеми своими окнами. В темных прямоугольниках окон отражались голые веки деревьев. За отражениями видны были прижатые к стеклу лица. Они то дружно пропадали, то возвращались. По движению этой осыпи можно было угадать, какими коридорами там внутри шел физрук Окунев со своими «Атс-тавить!», «Нечего смотреть!» и «Марш!». И осыпались совсем, когда от машины остался только след в две черные полосы на сыром снегу.

Но Шурки там уже не было.

Он прошел мимо железной сетки, за которой топорщились пальто и куртки. От них пахло мо-